

НЕХАЛКИДОНСКИЕ (ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ) ОБЩИНЫ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.*

А. Ю. Полунов

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Российского государства и Церкви в конце XIX — начале XX в. по отношению к нехалкидонским церковным общинам — ассирийцам-несторианам Северной Персии и Восточной Турции, сиро-яковитам Месопотамии, монофизитской Церкви Эфиопии. Данные начинания, во многом определявшиеся стремлением укрепить духовное и идеологическое влияние России в стратегически важных регионах мира, не носили в то же время сугубо прагматического характера. Большое значение имели факторы культурно-символического свойства — возможность соприкоснуться с наследием древних церквей, начало истории которых восходило к библейским временам, взять их под свое покровительство и тем самым возвысить роль Русской Церкви на международной арене. Помощь России позволила бы выявить культурные богатства, скрытые в недрах отдаленных религиозных общин, создать основу для возрождения христианства на обширных пространствах Азии и Африки. Идейной основой для расширения контактов с нехалкидонскими церквями служили представления о близости их вероучения к догматам Православной Церкви. Результатом начинаний российских церковно-государственных структур стало основание русской миссии в Урмии (Персия), обращение в православие части несториан и сиро-яковитов, укрепление связей с церковью Эфиопии, помощь эфиопским христианам в возвращении когда-то принадлежавших им святынь Иерусалима. Успешно развивавшаяся деятельность была прервана Первой мировой войной и революцией, однако взаимоотношения Русской Церкви с нехалкидонскими исповеданиями продолжились во второй половине XX в.

© Полунов А. Ю., 2022.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ключевые слова: монофизиты, несториане, ассирийцы, сиро-яковиты, Эфиопия, Урмия, Сирия, Антиохийская патриархия, Иерусалим, межрелигиозные контакты.

В конце 1903 г. настоятель русской церкви в Лондоне протоиерей Евгений Смирнов направил письмо обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву¹. Священник сообщал, что с ним связался представитель отдаленной религиозной общины, изъявившей желание присоединиться к православию. Речь шла об одном из ответвлений так называемой Малабарской Церкви в Южной Индии, основанной, по преданию, апостолом Фомой. Различные группы ее последователей придерживались учения древневосточных церквей — несторианской и сиро-яковитской, обособившихся в отдельные ветви христианства еще в эпоху Вселенских соборов². В начале 1900-х гг. община, представитель которой, некий Эрнест Джон Сомбер Уайт, обратился к Смирнову, осталась без епископа. Многие члены этого сообщества, испытывая давление католиков, готовы были перейти под власть Рима, к которому уже присоединилась значительная часть малабарских христиан. Для сохранения культурной самобытности оставшейся без церковного возглавления общины требовалось вмешательство некой «третьей силы», в качестве которой, по мнению Уайта, могла выступить только православная Россия³.

Лондонский священник весьма серьезно воспринял перспективу присоединения к православию сообщества христиан, корни которого восходили к апостольским временам. «Господь невидимо ведет нашу святую Церковь к великому прославлению и возлагает на нее великую миссию восстановить в Индии древнюю церковь святого апостола Фомы», — писал Смирнов Победоносцеву⁴. Пригласив Уайта в русский храм, протоиерей поведал ему о роли России на мировой арене, о всемирном значении власти царя, «повелителя 130 миллионов русского народа». «Государь наш — старший сын православной Церкви и ее всесильный покровитель», — подчеркнул Смирнов⁵. Посланец индийских христиан, в свою

¹ О протоиерее Смирнове см.: Медоваров М. В. Протоиерей Евгений Смирнов и церковная жизнь Англии 1890-х гг. на страницах журнала «Русское обозрение» // Христианское чтение (далее: ХЧ). 2019. № 2. С. 178–186.

² Разделение возникло в IV–V вв. на почве споров о соотношении божественной и человеческой природ Христа. Сиро-яковитскую и близкие ей Церкви (армянскую, эфиопскую, коптскую) называют монофизитскими (от *греч.* «одна природа») или миафизитскими (от *греч.* «единая природа»). Они признают в Христе одну природу в отличие от большинства христианских церквей, считающих, что таких природ две — божественная и человеческая. Не отвергая человечество Христа, монофизиты отказываются признавать за ним статус «природы». Несториане полагают, что Иисус был рожден человеком, который лишь впоследствии стал Христом, и божественное начало пребывает в нем лишь в относительном единении с человеческим. Обе Церкви отвергают учение Халкидонского собора 451 г. о двух самостоятельных природах Христа и именуются в связи с этим нехалкидонскими.

³ Отметим, что индийские христиане и ранее (в 1844, 1851 и 1898 гг.) обращались к России с просьбой о принятии в православие (см.: Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев. М., 1990. С. 59–60).

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 74. Отд. 2. Ст. 3. Д. 11. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 4.

очередь, заявлял о готовности немедленно перейти в православие и повести за собой всю общину. Проекту этому не суждено было сбыться. Он столкнулся бы с множеством препятствий не только догматического, но и политического характера — английские власти Индии, безусловно, с подозрением восприняли бы присоединение части подвластного им населения к русской Церкви. Однако ожидания и установки, связанные с данным проектом, представляют несомненный интерес. Они отразили важные сдвиги в положении России на международной арене; в осмыслении российскими властями и обществом этих изменений, места страны в мире, ее взаимоотношений с этническими и религиозными общинами в разных регионах.

Важнейшим аспектом данных изменений в конце XIX — начале XX в. стала активизация деятельности империи на обширных пространствах Азии и отчасти Африки, включавших в себя территории Африканского Рога, центрально- и южноазиатских стран, Дальнего Востока. Большая часть данных территорий существенно отличалась от традиционных регионов внешнеполитической деятельности России — восточной и южной Европы. На новых территориях при идеологическом обосновании начинаний международного характера, как правило, нельзя было опереться на фактор религиозного и этнического родства местного населения с русскими, представить это население в качестве «младших братьев», сослаться на исторические традиции. Казалось, деятельность на этих направлениях должна была носить сугубо прагматический характер, направляться материальными соображениями — борьбой за экономическое и геостратегическое преобладание. Однако и в этой сфере для внешнеполитической активности России удалось отчасти найти идеологическое обоснование. Одним из компонентов такого обоснования стали ссылки на историю упоминавшейся выше религиозной общины — несторианской Церкви (Ассирийской Церкви Востока). Данная организация, последователи которой проживали со времен поздней античности не только в Индии, но и во многих других странах Востока, представляла собой выдающееся явление мировой истории. Потомки арамеоязычного населения Сирии и Месопотамии, обратившись в христианство, сумели сохранить в средние века культурные богатства античного мира. По словам русского церковного писателя епископа Софонии (Сокольского), несторианство в то время «много-сторонней ученостью своею, видимо, стояло в челе почти всех национальностей восточных и даже во многом упреждало вселенское православие самой Византии»⁶.

Наделенные огромной энергией, миссионеры-несториане проникали из Месопотамии и Персии в отдаленные страны Востока, распространяя христианство в Южной Аравии, Эфиопии, Средней Азии, Индии, Восточном Туркестане, Китае⁷. К концу XIII в. в состав Церкви Востока входило 25 митрополий и около 140 епископств. По некоторым данным, несторианские проповедники добира-

⁶ Софония (Сокольский), епископ Туркестанский и Ташкентский. Современный быт и литургия христиан инославных Иаковитов и Несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии. СПб., 1876. С. 168.

⁷ Матвеев А. К., Матвеев К. П. Указ. соч. С. 28–29.

лись и до Японских островов. В Монголии они обратили в христианство племена кераитов и найманов во главе с их вождями, что породило в Европе легенду о царе-пресвитере Иоанне — могущественном монархе, который правит своими народами в отдаленных землях Востока и готов прийти на помощь западным народам в их борьбе с мусульманами⁸. Эти исторические факты вызывали в конце XIX в. все больший интерес в русских церковных и общественных кругах. Получалось, что своя «христианская страница» была и в истории азиатских народов, духовно и культурно, казалось бы, крайне далеких от России и православия. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин, в частности, обращал внимание на то, что епархии несторианской церкви действовали в Средние века «в глухих дебрях Закаспийского края — в Самарканде, Мерве и даже Герате, где до самого недавнего времени (до появления там русского орла) господствовал, да и теперь господствует мрачный ислам»⁹.

Осмысление фактов истории, изменения в международном положении России способствовали тому, что российские верхи в 1880–90-е гг. проявили интерес к общине, хранившей заветы средневековой Церкви Востока — восточным сирийцам (или, как они себя сами называли, ассирийцам), проживавшим на территории Северной Персии и Восточной Турции. Пережив гонения мусульман, община к концу XIX в. значительно уменьшилась в размерах и утратила быллой высокий уровень культуры. Однако в России верили, что, соединившись с православием, ассирийцы Северной Персии вспомнят о великом миссионерском прошлом и помогут России в ее продвижении на Восток. «России в Азии с ее бесчисленными миллионами населения, — утверждал Лопухин, — предстоит колоссальный труд христианского просвещения этого необъятного материка, и кто знает, не приобретем ли мы в этом неофите православия такого сотрудника в этом великом просветительском деле, который окажется незаменимым»¹⁰. Данные соображения, видимо, сыграли свою роль в том, что власти в 1890-е гг. решились отреагировать на многочисленные ходатайства несториан о присоединении к православию, ранее остававшиеся без ответа. В 1895 г. к ассирийцам, проживавшим на севере Персии у города Урмия, были направлены клирики Грузинского экзархата для подготовки религиозного обращения, а в 1898 г. в Петербурге состоялось присоединение к православию одного из влиятельных иерархов несторианской Церкви — епископа Супурганского Мар-Ионана. Вслед за этим в Урмию была отправлена миссия русской Церкви, обратившая в православие около 15 тыс. несториан¹¹.

Преодолев первоначальные трудности и освоившись в непривычной обстановке, представители Русской Церкви развернули широкую деятельность. По словам английского исследователя Дж. Кокли, с начала 1900-х гг. миссия

⁸ См.: Селезнев Н. Ассирийская церковь Востока: Исторический очерк. М., 2001.

⁹ Лопухин А. П. Новое поприще для миссии Святой Православной Церкви. Несторияне или сиро-халдейцы, их происхождение, история, теперешнее состояние и стремление к православию: Чтение на торжественном собрании С.-Петербургского Братства Пресвятой Богородицы 2 февраля 1898 г. СПб., 1898. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 26–27.

¹¹ Стефан (Садо), иеромонах. Русская православная миссия в Урмии (1898–1918) // ХЧ. 1996. № 13. С. 78–80.

встала на прочную основу, и начинания западных деятелей, также действовавших в Урмии, казались незначительными на фоне ее работы¹². Накануне Первой мировой войны миссия располагала внушительной инфраструктурой. В ее ведении находилось около 40 храмов, библиотека, выходившая на русском и ассирийском языках газета «Православная Урмия», школа-пансион (учительская семинария) на 50–60 учеников и трехклассное женское училище, а также около 60 сельских школ (свыше 2 тыс. учащихся). Велись переводы на сирийский язык учебной, богослужбной и иной церковной литературы. Для поддержки миссии в Петербурге было учреждено Кирилло-Сергиевское Урмийское братство, взятое под покровительство высокопоставленными лицами. Его попечителем стал митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), а председателем — ближайший сотрудник Победоносцева, товарищ обер-прокурора Синода В. К. Саблер¹³.

Внимание российских властей, общества и Церкви к ассирийцам, как отмечалось выше, во многом было обусловлено надеждами укрепить с их помощью политическое и духовное влияние России на новых для нее территориях. Однако не только прагматические соображения играли роль. Важное значение имел фактор престижа — то обстоятельство, что под покровительство «империи царей» переходила древняя религиозная община, чьи истоки восходили к первым векам христианства, к деятельности апостола Фомы и его преемников — Фаддея и Мария. Это, в представлении современников, существенно поднимало международный авторитет Русской Церкви. В лице ассирийцев, отмечал автор журнала «Богословский вестник» А. А. Спасский, к православию присоединяется сообщество, в течение 14 веков стоявшее вне Вселенской Церкви, богослужение и обряды которого ведут происхождение с глубокой древности¹⁴.

Вдохновленные открывавшимися перспективами, представители Русской Церкви активизировали усилия на миссионерском поприще, и в начале 1910-х гг. в православие перешли несториане, проживавшие в местностях Салмас и Сульдуж (соответственно к северу и югу от Урмии). Возможность присоединения к православию начал рассматривать и глава несторианской Церкви — патриарх-католикос Мар-Шимун Биньямин, пребывавший на территории Турции. В 1913 г. патриарх официально подал прошение о переходе в православие, для подготовки этого действия в Турцию должен был прибыть глава Урмийской миссии епископ Сергей (Лавров)¹⁵. Однако колебания Министерства иностранных дел, опасавшегося дипломатических осложнений, а затем и начало Первой мировой войны не позволили осуществиться этому плану.

¹² Coakley J. F. The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford, 1992. P. 243.

¹³ Стефан (Садо), иеромонах. Указ. соч. С. 90–92. РГИА. Ф. 796. Отд. 6. Ст. 1. Д. 1407. Л. 59, 62, 64.

¹⁴ Спасский А. А. Сиро-халдейские христиане и присоединение их к Православной Церкви // Богословский вестник (БВ). 1898. № 5 (2-я пагинация). С. 203, 234, 237.

¹⁵ Стефан (Садо), иеромонах. Указ. соч. С. 93–96; Герд Л. А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // ХЧ. 2015. № 2. С. 137–157; РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Д. 425. Л. 1–48 об.

Хотя ассирийцы и не приняли участия в миссионерском обеспечении продвижения России на Восток, их присоединение к православию сыграло роль в активизации контактов российских властей и церковных деятелей с различными древневосточными общинами помимо несториан. Важным событием стало присоединение к православию части приверженцев сиро-яковитской Церкви — западных сирийцев, проживавших в Месопотамии и Сирии, к югу и западу от несториан. Сиро-яковиты еще с 1840-х гг. заявляли русским дипломатам о желании перейти в православие, но их просьбы отклонялись из-за опасения международных осложнений. В начале XX в. ситуация начала меняться, и в 1910 г. проживавшая в районе сирийского г. Хомса община сиро-яковитов во главе с епископом Саадским Петром при поддержке русских властей присоединилась к православию¹⁶. Как и в случае с несторианами, предполагалось, что обретение новой паствы откроет России возможность деятельности на новых направлениях, ранее не освоенных российской дипломатией. «Этот первый переход сиро-яковитов в православие будет иметь отклик в Мессопатамии <sic>, в которой сиро-яковиты многочисленны... и дать нам таким образом некоторые точки опоры в Мессопотамии», — писал консул в Дамаске Б. Н. Шаховской послу в Константинополе¹⁷.

При присоединении новой паствы к православию факторы культурно-символического характера играли, как и в Северной Персии, достаточно заметную роль. Как отмечал в 1895 г. орган Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) — влиятельной российской организации, действовавшей в Сирии и Палестине, — древние сирийцы были «первенцами Христовой Церкви», и без их участия невозможно было решить вопрос о церковном объединении христианского Востока¹⁸. Намечалась и определенная реконфигурация церковно-канонических отношений в ближневосточном регионе. По настоянию российских властей паства епископа Петра в 1910 г. не была присоединена к Русской Церкви, а вошла в состав Антиохийского патриархата (действовавшего, впрочем, к началу XX в. в тесном контакте с представителями России на Ближнем Востоке). Подобный маневр во многом определялся дипломатическими соображениями (нежеланием раздражать турецкие власти), но играло свою роль и стремление возродить давние исторические традиции. В православном мире именно Антиохийскому патриархату («Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии и всего Востока») в первые века христианства вверялась проповедь в странах Азии. Укрепление религиозной структуры со столь древними корнями также должно было создать духовную основу для продвижения России на Восток, чему содействовало бы и присоединение к православию древневосточных

¹⁶ Якушев М. И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013. С. 366–367; Герд Л. А. Сиро-яковиты и их попытки соединения с Русской Православной Церковью в XIX — начале XX в. // Каптеревские чтения — 18: сб. статей / отв. ред. Н. П. Чеснокова. М., 2020. С. 391–402.

¹⁷ Письмо Б. Н. Шаховского послу в Константинополе Н. В. Чарыкову 3 октября 1910 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 84. Отд. 2. Ст. 3. Д. 194. Л. 18 об.

¹⁸ Сирийская яковитская церковь // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества (СИППО). [Т. 6] 1895. Август. С. 459.

религиозных общин¹⁹. Это, как отмечалось выше, стимулировало на рубеже XIX–XX вв. внимание русских государственных и церковных властей к несторианам и сиро-яковитам. Пристальный интерес российских верхов вызывала и крупнейшая из нехалкидонских общин — Церковь Эфиопии, о которой необходимо сказать особо.

Исторические судьбы Эфиопии (или Абиссинии, как говорили в XIX в.) — единственной издревле христианской страны Африки, в которой монофизитская доктрина являлась основой государственного вероучения — в течение многих веков привлекала внимание европейцев. В XIV — начале XVI в. они именно здесь размещали легендарное царство пресвитера Иоанна после того, как стало ясно, что в Азии этого царства не существует. Интересно, что европейцы довольно долго считали Эфиопию частью Индии, как бы объединяя в общее пространство разные регионы распространения нехалкидонских исповеданий²⁰. В России первым обратил внимание на важность религиозных контактов с Эфиопией известный церковный деятель, архимандрит, впоследствии епископ Порфирий (Успенский), направленный в 1842 г. в Иерусалим для учреждения здесь Русской духовной миссии. Познакомившись в Палестине с представителями разных христианских конфессий, в том числе с эфиопами, Порфирий выдвинул глобальный церковно-политический план — объединить все нехалкидонские исповедания (несториан, сиро-яковитов, армян, коптов, эфиопов) под эгидой Русской Церкви, которая, таким образом, обрела бы подлинно вселенский характер. Особую роль в планах архимандрита играла Эфиопия. С ее помощью глава русской миссии намеревался продвинуть христианство вглубь Африки. «В тамошней стране есть исходная точка для наших действий во славу Божию и в пользу святого Православия», — писал Порфирий в 1851 г. генеральному консулу в Бейруте К. М. Базили²¹.

На основе обобщения итогов своей деятельности в Иерусалиме и поездок по Ближнему Востоку (Египет, Синай) глава русской миссии в 1860-е гг. сформулировал ряд положений, которые, по словам современного исследователя А. В. Хренкова, легли в основу последующей церковной политики России по от-

¹⁹ Общины сирийцев, примкнувшие к сиро-яковитской Церкви и несторианству, до своего обособления входили в состав Антиохийского патриархата, т. е. их присоединение к православию восстанавливало на Ближнем Востоке ситуацию, существовавшую в первые века христианства. Российские власти планировали, что турецкие несториане во главе с патриархом Мар-Шимуном Биньямином, изъявившим желание примкнуть к православию, также войдут в состав Антиохийской Церкви.

²⁰ Sheir A. M. From a Christian Savior to a Mongol Ruler: the Influence of Prester John's Glamour on the Muslim-Crusader Conflict in the Levant, 1140s-1250s // *Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*. No. 3. Dicembre 2018. P. 29–38; Kurt A. The Search for Prester John, a Projected Crusade and the Eroding Prestige of Ethiopian Kings, c.1200–c.1540 // *Journal of Medieval History*, 2013. Vol. 39. No. 3. P. 297–320; Salvatore M. The Jesuit Mission to Ethiopia (1555–1634) and the Death of Prester John // *World-Building and the Early Modern Imagination*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 141–171.

²¹ [Порфирий (Успенский)]. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // *Труды Киевской духовной академии (ТКДА)*. 1866. Т. II. С. 10.

ношению к Эфиопии²². Порфирий полагал, что в вероучении африканских христиан доминировали начала, восходящие ко временам единой вселенской Церкви, а элементы монофизитства не были четко выражены. Подобные элементы насаждались прежде всего официальными первоиерархами африканской страны — абунами (митрополитами), назначавшимися коптской Церковью Египта. Однако их влияние на народные массы было невелико. Спорам о тонкостях богословия, доказывал архимандрит, занимаются в Эфиопии священники и монахи, «а народ в простоте веры слушает апостольскую обедню и во время этой обедни славословит Бога, благодарит Его»²³. По мнению главы русской миссии, эфиопы стремились выйти из подчинения коптской иерархии и были готовы принять епископов из России, деятельность которых позволила бы сгладить обрядовые различия между двумя Церквями. Принимать меры следовало немедленно, поскольку интерес к эфиопским христианам проявляли и западные миссионеры — протестанты и католики.

Стремясь реализовать свои идеи, Порфирий и его преемник на посту главы Русской духовной миссии в 1857–1863 гг. епископ Кирилл (Наумов) планировали совершить поездку в Эфиопию, однако Министерство иностранных дел, опасаясь международных осложнений, воспротивилось этому. Лишь в конце 1880-х гг. ситуация изменилась. Африканскую страну один за другим начали посещать разного рода неофициальные, а затем и официальные представители России, итогом чего стало прибытие туда в 1898 г. миссии российского Министерства иностранных дел, а впоследствии и установление дипломатических отношений между двумя странами. Внезапное для многих русских осознание того, что в Африке проживает многочисленная община, исповедующая один из вариантов восточного христианства, вызвало искренний энтузиазм, стремление сблизиться с новыми «младшими братьями», которых, казалось бы, в религиозном отношении от России отделяло совсем немного. Не только в прессе, публицистических сочинениях и литературе для народа, но и в официальных дипломатических документах постоянно говорилось о «сходстве» и «общности религии» двух стран, о «тяготении» эфиопов к православию и даже о единоверии России и Эфиопии²⁴.

Подъем энтузиазма в русском обществе, связанный с обнаружением в 1880–90-е гг. новых «младших братьев» в Африке, был настолько велик, что вопрос о религиозных разногласиях между Русской и Эфиопской Церквями некоторые современники надеялись решить просто путем объявления об отсутствии таких расхождений. Эфиопия, заявлял известный консервативный публицист и видный деятель ИППО М. П. Соловьев, «ждет помощи от тех народов, Церковь которых однородна с ее Церковью, и разлучение с которыми, в сущности, является печальным недоразумением». Африканские христиане давно жаждут

²² Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 13.

²³ [Порфирий (Успенский)]. Абиссиния... // ТКДА. 1866. Т. I. С. 335.

²⁴ См.: Полунов А. Ю. «Наши черные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 85–99.

«беспристрастного пересмотра своего дела и устранения препятствий к восстановлению их в праве верных сыновей Церкви, засвидетельствованном веками мученичества»²⁵. Разумеется, столь прямолинейный подход был утопичен, Русская и Эфиопская Церкви оставались отдельными структурами с различными вероучениями. Однако между Россией и Эфиопией сложились достаточно дружественные отношения, и «империя царей» не раз оказывала африканскому государству дипломатическую поддержку, в том числе в вопросах, связанных с религиозной сферой.

Выявляя факторы, определявшие интерес русского общества к «черным единоверцам» в конце XIX в., можно обнаружить много сходства с обстоятельствами, определявшими его внимание к другим древневосточным общинам. Общение с эфиопами — представителями древней цивилизации, заимствовавшей, по преданию, элементы монотеизма из Иерусалима еще во времена царя Соломона и царицы Савской — позволяло совершить своеобразное «путешествие во времени», соприкоснуться с наследием далеких эпох, имевших высочайшую культурно-символическую и историческую ценность в глазах значительной части русского общества. «Культура страны царицы Савской, — утверждала консервативная газета «Московские ведомости», — одна из древнейших культур земного шара, из которой в значительной степени получили свое развитие и другие культуры современного человечества»²⁶. «Абиссинский обряд... носит на себе следы ветхо-заветной <sic> древности и уносит мысль ко временам Моисея, Скинии, Давида, Соломона и пр.», — полагал известный церковный писатель Е. Е. Долганев²⁷. Вновь подчеркивалась близость Русской и Эфиопской Церквей. Изучение эфиопского христианства, в силу его библейских истоков, могло пролить свет и на важные аспекты истории православия, до сих пор остававшиеся скрытыми от внимания соотечественников. «Подробное рассмотрение рукописей абиссинских храмов, разных памятников старины... поможет исследованию прошлой истории и нашей православной религии, к которой так близка вера абиссинцев», — писал участник одной из экспедиций в африканскую страну К. С. Звягин²⁸.

Будучи одной из древнейших стран христианского мира, Эфиопия к концу XIX в., безусловно, отставала по уровню экономического и культурного развития от государств Запада. Однако это вовсе не давало последним права свысока относиться к африканским христианам. Под внешним покровом бедности, простоты, по мнению русских современников, вполне могли быть скрыты духовные ценности, давно утраченные «цивилизованными» странами. Подчеркнув, что в древности Эфиопия была связана со славившимся своей ученостью Александрийским патриархатом, церковный публицист священник Иоанн Вуколов (впоследствии архимандрит Иона) вопрошал: «Может быть, в абиссинском богословском образовании, так мало нам известном, таятся тени этой учености,

²⁵ Соловьев М. П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. № 4. С. 797; № 9. С. 209–210.

²⁶ Московские ведомости. 1897. № 52. Цит. по: Агуреев С. А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX — начале XX в. М., 2011. С. 67.

²⁷ Долганев Е. Е. Современная Абиссиния // БВ. 1895. № 8 (2-я пагинация). С. 225.

²⁸ Звягин К. С. Абиссиния. Чтение для народа. М., 1910. С. 94.

тени Оригена и Климента, тени Афанасия и Кирилла? Может быть, в религиозном сознании их лучших ученых смысл древне-отеческого и церковного учения разъяснен и раскрыт не хуже, чем у нас или на Западе?»²⁹ Следует отметить, что данный мотив — преимущества внешне скромных «малых сих» перед лицом высокомерной «цивилизации» — звучал у многих русских авторов и при описании других древневосточных общин. Так, несториане Северной Персии в плане набожности, усердия к посещению церквей вполне могли бы «устыдить западных христиан»³⁰. Сиро-яковиты Месопотамии имели право указать западным миссионерам, отзывающимся о них с пренебрежением, «что никто иной, как сириане, были призваны к созданию первой христианской церкви, к написанию самого Евангелия и к распространению его в странах отдаленного Запада»³¹.

Рассматривая африканских христиан как близких по духу, российские власти, как отмечалось выше, во многих случаях старались оказывать им поддержку, в том числе в вопросах, носивших религиозный характер. Так, в конце 1890-х — начале 1900-х гг. представители эфиопских властей обратились к русским дипломатам в Палестине с просьбой помочь им в возвращении земельных владений и строений при храме Гроба Господня, захваченных в свое время коптами, и взять эфиопский монастырь в Иерусалиме под свое покровительство. Представители России — генеральный консул в Иерусалиме А. Г. Яковлев и посол в Константинополе А. И. Нелидов — выдвинули встречное предложение: добиться того, чтобы эфиопская община в Иерусалиме вышла из церковного подчинения коптам и во главе ее встал епископ-эфиоп, который и занялся бы вопросом о возвращении африканским христианам утраченных ими владений. По словам А. В. Хренкова, «проект Яковлева—Нелидова был весьма радикальным и в случае его осуществления в полном объеме явился бы значительным шагом на пути укрепления церковной независимости Эфиопии»³². Реализовать данный проект не удалось, однако Россия все же оказала африканским христианам значительную помощь в возвращении утраченных ими святынь. С начала 1900-х гг. русский подданный, отставной чиновник Н. Н. Шедевр развернул при финансовой поддержке ИППО поиск в турецких архивах документов, подтверждавших права эфиопов на те или иные владения в Святой Земле. Одним из результатов его деятельности стала в 1906 г. передача эфиопам турецкими властями древнего храма Дейр-эс-Султан в Иерусалиме.

В 1910–1913 гг. Шедевр заключил с эфиопскими властями ряд соглашений, регулировавших порядок передачи им права пользования возвращаемыми святынями, в частности часовнями при храме Гроба Господня. Две из этих часовен в знак благодарности за усилия Шедевра африканская страна готова была передать России. В 1914 г. для окончательного урегулирования вопроса о церковных имуществах Эфиопия намеревалась послать дипломатическую миссию в

²⁹ Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // ТКДА. 1892. №1. С. 113.

³⁰ Л. А. [Лопухин А. П.] Католикос Востока и его народ: Очерки из жизни сиро-халдеев несториан в Персии и Турции // ХЧ. 1898. № 10. С. 516.

³¹ Современное состояние сирийской церкви // СИППО. [Т. 6] 1895. Август. С. 486.

³² Хренков А. В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народа Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 197.

Петербург. Ее отправке помешала Первая мировая война³³. Последовавшая вскоре революция надолго прервала контакты Русской Церкви с нехалкидонскими общинами.

Подводя итог, необходимо отметить, что взаимоотношения с древневосточными религиозными общинами составили важную страницу церковной, идейно-духовной и внешнеполитической истории России конца XIX — начала XX в. Эти отношения продемонстрировали нарастание на рубеже веков тенденции к идеологизации внешней политики, попытки использовать вопросы религии и Церкви в политических интересах. В то же время нельзя сказать, что стремление Российского государства, Церкви и общества установить контакты с нехалкидонскими исповеданиями диктовалось сугубо прагматическими соображениями. В ходе данного взаимодействия ярко проявлялись и духовные запросы русских общественных и церковных кругов — стремление повысить международный престиж Русской Церкви, по-новому осмыслить вопрос о предназначении России, ее месте на мировой арене, установив прямой контакт с древними общинами, чьи истоки восходили к первым векам христианства. Активизация взаимоотношений с нехалкидонскими исповеданиями до известной степени позволила укрепить духовное и политическое влияние России в ряде важных для нее в экономическом и стратегическом отношении регионов — Северной Персии, отчасти в Сирии и Месопотамии, области Африканского Рога. Успешно развивавшееся взаимодействие было прервано Первой мировой войной и революцией, однако взаимоотношения Русской Церкви с нехалкидонскими исповеданиями в религиозной сфере продолжились во второй половине XX в.

Список литературы

- Агуреев С. А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX — начале XX в. М.: РУДН, 2011.
- Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1892. № 1. С. 93–131.
- Герд Л. А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157.
- Герд Л. А. Сиро-яковиты и их попытки соединения с русской православной церковью в XIX — начале XX в. // Каптеревские чтения — 18: сб. статей / отв. ред. Н. П. Чеснокова. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 391–402.
- Долганев Е. Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8 (2-я пагинация). С. 224–251.
- Звягин К. С. Абиссиния. Чтение для народа. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1910.
- Л. А. [Лопухин А. П.] Католикос Востока и его народ: Очерки из жизни сиро-халдеев несториан в Персии и Турции // Христианское чтение. 1898. № 10. С. 516–540.
- Лопухин А. П. Новое поприще для миссии Св(ятой) православной церкви. Несториане или сиро-халдейцы, их происхождение, история, теперешнее состояние и стремление

³³ Хренков А. В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов. С. 199–203. Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург). Архив. Разряд III. Оп. 1. Д. 34. Материалы Н. Н. Шедевра.

- к православию. Чтение на торжественном собрании С.-Петербургского Братства Пресвятой Богородицы 2 февраля 1898 г. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1898.
- Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев. М.: ИЭА РАН, 1990.
- Медоваров М. В. Протоиерей Евгений Смирнов и церковная жизнь Англии 1890-х гг. на страницах журнала «Русское обозрение» // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 178–186.
- Полунов А. Ю. «Наши черные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 85–99.
- Порфирий (Успенский). Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. I. С. 311–335; Т. II. С. 4–19, 143–167.
- Селезнев Н. Ассирийская церковь Востока: Исторический очерк. М.: Ассирийская церковь Востока, 2001.
- Сирийская яковитская церковь // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. [Т. 6] 1895. Август. С. 458–459.
- Современное состояние сирийской церкви // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. [Т. 6] 1895. Август. С. 486–491.
- Соловьев М. П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. № 4. С. 795–812; № 9. С. 195–210.
- Софония (Сокольский), епископ Туркестанский и Ташкентский. Современный быт и литургия христиан инославных Иаковитов и Несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии. СПб: Тип. дух. журнала «Странник», 1876.
- Спаский А. А. Сиро-халдейские христиане и присоединение их к православной церкви // Богословский вестник. 1898. № 5 (2-я пагинация). С. 202–243.
- Стефан (Садо), иеромонах. Русская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. 1996. № 13. С. 78–80.
- Хренков А. В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М.: Наука, 1991. С. 180–207.
- Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М.: Институт Африки РАН, 1992.
- Якушев М. И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013.
- Coakley J. F. The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Kurt A. The Search for Prester John, a Projected Crusade and the Eroding Prestige of Ethiopian Kings, c.1200–c.1540 // Journal of Medieval History, 2013. Vol. 39. No. 3. P. 297–320.
- Salvadore M. The Jesuit Mission to Ethiopia (1555–1634) and the Death of Prester John // World-Building and the Early Modern Imagination. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 141–171.
- Sheir A. M. From a Christian Savior to a Mongol Ruler: the Influence of Prester John's Glamour on the Muslim-Crusader Conflict in the Levant, 1140s–1250s // Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea. No. 3. Dicembre 2018. P. 29–38.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2022. Vol. 108. P. 60–73
DOI: 10.15382/sturII2022108.60-73

Alexander Polunov,
Doctor of Sciences in History,
Associate Professor,
Head of the Department of Administration
in the Sphere of Interethnic
and Interdenominational Relations,
School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
polunov@spa.msu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4484-6003>

NON-CHALCEDONIAN (ANCIENT EASTERN) COMMUNITIES AND THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN STATE AND THE CHURCH. LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES*

A. POLUNOV

Abstract: The article analyses the contacts of the Russian state and church in the late 19th and early 20th centuries with the non-Chalcedonian communities, i.e., the Assyrian-Nestorians of Northern Persia and Eastern Turkey, the Syro-Jacobites of Mesopotamia, the Monophysite Church of Ethiopia. These undertakings, largely determined by the desire to strengthen the religious and ideological influence of Russia in the strategically important regions of the world, were not purely pragmatic. Factors of a cultural and symbolic nature were also of great importance, particularly the opportunity to interact with the heritage of ancient churches, whose historical roots date back to biblical times, to take them under Russia's protection and thereby elevate the role of the Russian Church in the international stage. Russia's help would make it possible to reveal the cultural riches hidden in the depths of remote religious communities, to create the basis for the revival of Christianity in the vast expanses of Asia and Africa. The doctrinal basis for expanding contacts with non-Chalcedonian churches was the idea of the proximity of their doctrine to the dogmata of the Orthodox Church. The undertakings of the Russian church-state structures resulted in the foundation of the Russian mission in Urmia (Persia), in the conversion of part of the Nestorians and Syro-Jacobites to Orthodoxy, in the strengthening of links with the church of Ethiopia, and in the help to Ethiopian Christians in returning the shrines of Jerusalem that once belonged to them. This successful activity was interrupted by the First World War and the revolution. However, the relationship of the Russian Church with the non-Chalcedonian confessions continued in the second half of the 20th century as well.

Keywords: Monophysites, Nestorians, Assyrians, Syro-Jacobites, Ethiopia, Urmia, Syria, Patriarchy of Antioch, Jerusalem, interreligious contacts.

* This study has been supported by the Interdisciplinary School of Research and Education of Moscow University "Maintaining the Cultural and Historical Heritage of the World".

References

- Agureev S. (2011) *Efiopiia v otrazhenii rossiiskogo obshchestvennogo mneniia v kontse XIX — nachale XX v.* [Ethiopia as perceived by the Russian public opinion in the late 19th — early 20th cc.]. Moscow (in Russian).
- Coakley J. F. (1992) *The Church of the East and the Church of England: A History of the Archbishop of Canterbury's Assyrian Mission*. Oxford.
- Gerd L. (2020) “Siro-iakovity i ikh popytki soedineniia s russkoi pravoslavnoi tserkov'iu v XIX — nachale XX v.” [Syro-Jacobites and their attempts of the union with the Russian Orthodox Church at the end of 19th and early 20th cc.], in *Kapterevskie chteniia 18*. Moscow, pp. 391–402 (in Russian).
- Gerd L. (2015) “Anglikanskaia i russkaia pravoslavnaia missii k nestorianam Persii i Turtsii v kontse XIX v. (po materialam doneseni britanskikh diplomatov)” [Anglican and Russian missions to the Nestorians of Persia and Turkey at the end of the 19th c.]. *Khristianskoe chtenie*, 2015, vol. 2, pp. 137–157 (in Russian).
- Kurt A. (2013) “The Search for Prester John, a Projected Crusade and the Eroding Prestige of Ethiopian Kings, c. 1200 — c. 1540”. *Journal of Medieval History*, 2013, vol. 39, no. 3, pp. 297–320.
- Matveev A., Matveev K. (1990) *Istoriia i etnografiia assiriitsev* [History and ethnography of the Assyrians]. Moscow (in Russian).
- Medovarov M. (2019) “Protoierei Evgenii Smirnov i tserkovnaia zhizn' Anglii 1890-kh gg. na stranitsakh zhurnala “Russkoe obozrenie”” [Archpriest Evgeny Smirnov and church life in England of the 1890s in the pages of the journal “Russkoe Obozrenie”]. *Khristianskoe chtenie*, 2019, vol. 2, pp. 178–186 (in Russian).
- Polunov A. (2015) ““Nashi chernye edinovertsy”: predstavleniia o religioznoi blizosti Rossii i Abissinii v kontse XIX — nachale XX v.” [“Our black brothers in faith”: the idea of religious kinship of Russia and Ethiopia in the late 19th and early 20th cc.]. *Rossiiskaya istoriia*, 2015, vol. 2, pp. 85–99 (in Russian).
- Salvadore M. (2010) “The Jesuit Mission to Ethiopia (1555–1634) and the Death of Prester John”, in *World-Building and the Early Modern Imagination*. New York, pp. 141–171.
- Seleznev N. (2001) *Assiriiskaia tserkov' Vostoka. Istoricheskii ocherk* [Assyrian Church of the East. A historical outline]. Moscow (in Russian).
- Sheir A. M. (2018) “From a Christian Savior to a Mongol Ruler: the Influence of Prester John's Glamour on the Muslim-Crusader Conflict in the Levant, 1140s — 1250s”. *Rivista dell'Istituto di Storia dell'Europa Mediterranea*, 2018, no. 3, pp. 29–38.
- Stefan (Sado), hieromonk (1996) “Russkaia pravoslavnaia missiia v Urmii (1898–1918)” [Russian Orthodox mission in Urmia (1898–1918)]. *Khristianskoe chtenie*, 1996, vol. 13, pp. 78–80 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 16.01.2022

The article was submitted 16.01.2022